

R. LONIS. *Les usages de la guerre entre Grecs et Barbares des guerres Médiques au milieu du IVe s. avant J.-C.*, Centre de recherches d'histoire ancienne, vol. 1. Annales littéraires de l'Université de Besançon, vol. re104. Les Belles Lettres, P., 1969, 173 стр.¹

За последние 10—15 лет литература об античности пополнилась рядом новых работ, которые, пожалуй, свидетельствуют об определенном интересе современной науки к проблемам войн в древности. Не говоря уже о всеобщих историях армий и войн², истории отдельных видов оружия и родов войск³, истории стратегии и военной мысли⁴, эти труды очень различны по своему характеру; замыслу, проблематике, подходу к теме, кругу источников, объему. Относительно большое место среди них занимают книги, посвященные раннему периоду, времени гомеровских поэм и геометрической керамики⁵; к ним примыкают работы Мак-Леода⁶ о луке в античной Греции (с особым вниманием к гомеровской эпохе) и Снодграсса⁷ о греческом наступательном

¹ Рец.: L.-M. L'Honnée-Wéry, «Ant. Clas.», XXXIX, 1970, № 2, стр. 668; E. Will. «Rev. Hist.», 1971, № 499, стр. 149 сл.

² «Histoire mondiale des guerres», sous la direction de G. Blond, I, P., 1965; «Histoire universelle des armées», sous la direction de J. Boudet, I, P., 1965.

³ H. Seitz, Blankwaffen, I: Geschichte und Typenentwicklung im europäischen Kulturbereich, Braunschweig, 1965; R. Röth, Histoire de l'archerie, P., 1966; E. Wagner, Cut and Thrust Weapons, L., 1967 (рец.: C. Blair, «The Antiquaries Journal», XLIX, 1969, № 1, стр. 166).

⁴ B. H. L. Hart, Histoire mondiale de la stratégie, P., 1962; E. W. Anty, La pensée militaire des origines à 1914, Bruxelles — Paris, 1962.

⁵ C. A. K. King, Military Equipment in Homer and on Attic Geometric Vases, Dis. Univ. of North Carolina at Chapel Hill, 1969; B. Fenik, Typical Battle Scenes in the Iliad. Studies in the Narrative Techniques of Homeric Battle Description, Wiesbaden, 1968; G. Ahlberg, Fighting on Land and Sea in Greek Geometric Art, Stockholm, 1971 (рец.: Ph. R. Betancourt, AJA, 76, 1972, № 3, стр. 336 сл.; R. M. Cook, «Antiquity», XLVI, 1972, № 183, стр. 235 сл.).

⁶ W. E. McCleod, The Bow in Ancient Greece, with Particular References to the Homeric Poems, Dis. Harvard Univ., 1966.

⁷ A. M. Snodgrass, Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B. C., Edinburgh, 1964 (рец.: Е. В. Черненко, СА, 1970, № 2, стр. 263—265; J. Servais, «Ant. Clas.», XXXIV, 1965, № 2, стр. 679—682; Ch. P., RA, 1965, № 1, стр. 120 сл.; H. M. Catling, «Antiquity», XXXIX, 1965, № 165, стр.

и оборонительном оружии (с конца бронзового века до 600 г. до н. э.). Тот же автор издал в серии «Аспекты греческой и римской жизни» общий очерк греческого военного дела⁸.

Заметное событие в современной историографии античности — сборник «Проблемы войны в древней Греции»⁹, явившийся результатом исследований, которые с 1964 г. ведет Centre de Recherches Comparées sur les Sociétés Ancienne, и получивший весьма положительную оценку¹⁰. По своему замыслу сборник должен дать общую картину развития греческого военного дела в различных его аспектах (но по преимуществу не сугубо технических) и способствовать выяснению места войны в древнегреческом обществе. Как уже отмечалось¹¹, он представляет не только специальный интерес, но также вносит определенный вклад в наше понимание социальной структуры полиса. Проблематика сборника широка, причем темы для отдельных статей определены по очень различному принципу: хронологическому (статья М. Лежена «Микенская цивилизация и война», П. Левека «Война в эллинистическую эпоху»), по кругу источников (статья Д. С. Кирка о гомеровских поэмах, Ф. Виана о мифологии и П. Курбена об археологических данных), по территориально-политическому (статья М. И. Финли о Спарте) и — большая часть — тематическому (статья М. Детьена о фаланге и П. Видаль-Накэ об афинских голптах, Ж. Тайарда «Афинская триера и война на море в V и IV вв. до н. э.», И. Гарлана «Фортификация и греческая история», П. Дюкрэ «Юридические аспекты победы и обращение с побежденными», К. Моссе «Политическая роль армий в греческом мире классической эпохи», Ж. Ромилли «Война и мир между полисами»).

Греческая и римская «артиллерия» стала предметом исследования Марседена¹², фракийские пелтасты и их влияние на греческое военное дело — книги Беста¹³. Отдельные вопросы военного дела Спарты нашли отражение в сборнике работ А. Тойнби¹⁴ «Некоторые проблемы греческой истории» (армия при Клеомене III, структура моры по Ксенофону, организация и размер спартанской армии в битвах при Левктре и Мантинее и др.).

О военном деле IV в. до н. э., его теории и практике написана книга Андерсона¹⁵. Наконец, назовем еще три работы, наиболее близкие по своей тематике к рецен-

150—152; Cl. R o l l e y, REG, LXXIX, 1966, № 374—375, стр. 512—514; S. V. G r a n c s a y, «Arch.», XIX, 1966, № 3, стр. 229 сл.; J. K. A n d e r s o n, «Clas. Phil.», XLI, 1966, № 4, стр. 278—280; H.-G. B u c h h o l z, «Gnomon», XXXIX, 1967, № 1, стр. 78—82.

⁸ A. M. S n o d g r a s s, Arms and Armour of the Greeks, L., 1967 (рец.: R. B r i l l i a n t, «Americ. Hist. Rev.», LXXIII, 1968, № 4, стр. 1113 сл.; R. J. B u c k, «Clas. Journ.», LXIV, 1968, № 1, стр. 31 сл.; S. B e n t o n, «Antiquity», XLII, 1968, № 165, стр. 69; S. V. G r a n c s a y, «Arch.», XXII, 1969, № 2, стр. 155; «Greece and Rome», XV, 1968, № 2, стр. 207).

⁹ «Problèmes de la guerre en Grèce ancienne», sous la direction de J.-P. Vernant, P., 1968.

¹⁰ Ch. P a r a i n, Les problèmes de la guerre dans l'antiquité grecque, «Pensée», 1969, № 145, стр. 114—118; J. P. D a r m o n, Problèmes de la guerre en Grèce ancienne, «Annales», 1970, № 5, стр. 1298—1308; S. C. H u m p h r e y s, JHS, XCI, 1971, стр. 191—193; Ph. G a u t h i e r, «Rev. de Phil.», XLV, 1971, № 1, стр. 134—136; P. P é d e c h, REG, LXXXIV, 1971, № 401—403, стр. 566; A. L. B o e g e n h o l d, AJPh, XCII, 1971, № 2, стр. 374—376; E. W i l l, «Rev. Hist.», 1971, № 499, стр. 144—149.

¹¹ S. C. H u m p h r e y s, JHS, XCI, 1971, стр. 191—193.

¹² E. W. M a r s d e n, Greek and Roman Artillery. Historical Development, Oxf., 1969 (рец.: R. W. D a v i e s, JRS, LX, 1970, стр. 225 сл.; D. N o n y, REA, LXXII, 1970, № 1—2, стр. 218 сл.; J. C r o o k, «Antiquity», XLIV, 1970, № 175, стр. 246).

¹³ J. G. P. B e s t, Thracian Peltasts and their Influence on Greek Warfare, Groningen, 1969.

¹⁴ A. T o y n b e e, Some Problems of Greek History, L., 1969.

¹⁵ J. K. A n d e r s o n, Military Theory and Practice in the Age of Xenophon, Berkeley — Los Angeles, 1970 (рец.: W. M c L e o d, «Americ. Hist. Rev.», LXXV, 1970, № 7, стр. 2023 сл.; Y. B., RA, 1971, № 1, стр. 113 сл.; H. D. W e s t l a k e, «Gnomon», 44, 1972, № 4, стр. 362—366; A. M. S n o d g r a s s, «Clas. Rev.», XXII, 1972, № 2, стр. 194—196).

зируемой книге Лони: статью И. А. Шишовой¹⁶ и книги Дюкрэ¹⁷ и Притчетта¹⁸, а также работу Гарлана¹⁹.

Обстоятельная статья И. А. Шишовой «Порабощение военнопленных в Греции V—IV вв. до н. э.» представляет собой главу коллективного труда по истории рабства на периферии античного мира; в ней рассматривается один из важнейших аспектов этой большой проблемы. В книге П. Дюкрэ (названная выше его статья представляет собой краткое изложение некоторых положений, развернутых в книге) речь идет о войнах греков «от начала» (от поэм Гомера) до римского завоевания. Хотя книга называется «Обращение с военнопленными в античной Греции», в ней рассматривается не только участь собственно военнопленных и жителей завоеванных городов, но и данные источников о военной добыче. Отдельные главы отведены походам «десяти тысяч» и Александра Македонского, обычаям и законам войны (асилия, посольства, феоры), общественному мнению относительно обращения с пленными. Специальную главу П. Дюкрэ посвящает «варварам и грекам» (гл. VIII), указывая в предисловии (стр. 4 сл.), что в ней будет рассмотрен вопрос о различии, обнаруживающемся между отношением к военнопленному-варвару, попавшему в руки к грекам, и оказавшемуся в таком же положении эллину. Автор при этом оговаривает, что противоположная ситуация — грек во власти варвара — его не интересует. В центре соответствующей главы находится вопрос о возникновении и развитии доктрины превосходства греческого мира над варварским (стр. 271—274). Указав на важность Пелопоннесской войны в эволюции отношений греков к варварам, П. Дюкрэ приводит далее ряд фактов из истории похода бывших наемников Кира Младшего, сицилийской истории и особенно похода Александра Македонского и бегло говорит об эллинистической эпохе. Находя в событиях Пелопоннесской войны и отчасти в «Анабасисе» определенное отражение упомянутой доктрины, он, правда, отмечает некоторые нюансы.

Из выбранных Притчеттом отдельных вопросов военной практики греков (введение оплаты и ее размер, жертвоприношения, война и праздники, глубина и ширина фаланги и др.) с проблематикой книги Лони соприкасаются главы о военной добыче — ее захвате и праве собственности на нее. Начав с анализа терминологии, Притчетт перечисляет далее основные случаи захвата добычи до эллинистического времени и завершает обзором цифр, характеризующих размер захваченной добычи, в том числе количество людей (данные он сводит в две таблицы).

Работа Гарлана — общий очерк, в котором рассматриваются отдельные проблемы войны, причем параллельно у греков и римлян: юридические аспекты (война и государство, определение состояния войны, законы войны), военные сообщества (военная аристократия, воин-гражданин, греческое наемничество, римский профессионализм), способы войны (фаланга, искусство осады, войны на море), организация армий (материальная сторона, система командования) и в заключение более общие вопросы: причины войн, война и общество, война и историческая эволюция, война и политика, война и экономика.

В свете сказанного, возможно, будет более ясно место, которое занимает среди этих трудов книга Р. Лони. Небольшая по объему, его работа привлекает внимание

¹⁶ В кн.: Д. П. Каллистов, А. А. Нейхардт, И. Ш. Шифман, И. А. Шишова, Рабство на периферии античного мира, Л., 1968, стр. 49—92.

¹⁷ P. D u s s e y, Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique des origines à la conquête romaine, P., 1968 (реп.: J. K. A n d e r s o n, «Clas. Phil.», LXIV, 1969, № 4, стр. 263—265; J. S e r v a i s, «Ant. Clas.», XX XVIII, 1969, № 1, стр. 313—315; E. W i l l, «Rev. Hist.», 1969, № 492, стр. 446—448; Ph. G a u t h i e r, «Rev. de Phil.», XLIV, 1970, № 1, стр. 116—118; M. O s t w a l d, AJPh, XCII, 1971, № 3, стр. 484—487.

¹⁸ W. K. P r i t c h e t t, Ancient Greek Military Practices, p. I, Berkeley — Los Angeles—L., 1971 (книга появилась в результате топографических исследований Притчетта, в том числе мест сражений при Левктре, Мантинее, Немее, Коронее и др.— W. K. P r i t c h e t t, Studies in Ancient Greek Topography, p. I—II, Berkeley — Los Angeles, 1965, 1969).

¹⁹ Y. G a r l a n, La guerre dans l'antiquité, P., 1972 (с этой книгой я смогла ознакомиться уже после написания данной рецензии).

постановкой проблемы. Цель исследования — не только в выяснении характера обычаев войны между греками и варварами; автор ставит вопрос о соотношении данных, почерпнутых из произведений поэтов, философов, ораторов, с реальной картиной исторической действительности. Р. Лони отмечает, что большая часть историков нового времени, касавшихся взаимоотношений греков и варваров, основывалась на свидетельствах именно поэтов, ораторов, философов V и IV вв. до н. э. Эти источники говорят о глубоком антагонизме, разделявшем два мира — эллинский и варварский. Считают, что греки обычно смотрели на варваров как на существа не только резко отличные от них, но и более низкие по самой своей природе, что неуважение и даже ненависть, засвидетельствованные этими источниками, диктовали грекам их поведение по отношению к варварам, в войнах с которыми греки не соблюдали обычаев, сложившихся постепенно в ходе межполисных войн.

Отметив эту основную тенденцию, существующую в литературе, Р. Лони ставит три главных вопроса, которые и определяют весь дальнейший ход его исследования.

Греческий мир в своих международных отношениях, в том числе военных, вырабатал определенные нормы, которые соблюдались. Сохранялись или нет эти обычаи в военных действиях между греками и варварами, если судить об этом по фактам, имеющимся в нашем распоряжении, а не только по трудам «идеологов»?

Если справедливо достаточно распространенное мнение, что войны с течением времени становились менее жестокими, то захватил ли этот процесс также и войны между греками и варварами?

Третий вопрос касается варваров: свидетельствует ли их отношение к своему противнику о равной ненависти или, напротив, они соблюдали в войнах с греками обычаи и нормы, бывшие общим достоянием людей того времени?

В общей форме правомерность и продуктивность постановки проблемы соотношения исторической действительности и сферы идеологии, влияния теории на практику не подлежит сомнению, ее можно только приветствовать. Однако, не касаясь пока результатов предпринятого Р. Лони исследования, в данном конкретном случае, как кажется, будет уместным сделать одно замечание вводного характера. Автор, очевидно, упускает из виду немаловажное обстоятельство, ставящее под сомнение подобный подход его к рассматриваемой теме: вряд ли можно представить себе, чтобы существовала такая прямая и однозначная связь между распространением идей о превосходстве эллинов над варварами и обычаями войны. Ведь для того чтобы идеи «неполноценности» варваров по сравнению с греками воплотились в ходе военных действий, надо было иметь для этого реальные силы и средства. Война, как известно, явление двустороннее, изменение норм войны одной стороной на практике привело бы к соответствующим изменениям их противником. Могли ли греки в войнах с персами в IV в. до н. э. применить тезис о своем превосходстве и резко изменить, например, установившиеся нормы обращения с военнопленными? Ведь неизбежно воследовала бы реакция со стороны персов. Одним словом, мы хотим сказать, что идея превосходства эллинов над варварами, чтобы получить воплощение в жизнь, должна была бы подкрепляться и военным превосходством; в рассматриваемое же время, в конце V—IV в. до н. э., превосходство в силах, в общем, было не на стороне греков.

Р. Лони рассматривает свою книгу, с одной стороны, только как часть более о широкого исследования, посвященного «полемологии», с другой, и прежде всего, — как попытку лучшего выяснения природы отношений между греками и варварами (стр. 1). Автора интересуют не все стороны военных отношений — он сразу же оговаривает, что речь пойдет не о военной технике, не о стратегии и тактике, но только о «праве войны», о ее «законах и обычаях». Книга делится на три части, посвященные людям, имуществу и данному слову. Работу предваряют небольшое вступление (стр. 1—2), библиография, содержащая перечень источников, общих трудов, специальных исследований и статей (стр. 3—12), и введение (стр. 13—29), а завершают заключение и именной указатель.

Хронологические рамки книги — от восстания в Ионии до начала греко-македонского конфликта (поход фиванца Паммена в 353 г. до н. э. — одно из последних

греческих вторжений в Малую Азию) и на Западе — от Гелона до смерти Дионисия Старшего в 367 г. (стр. 26 сл.).

Под «греками» имеются в виду греки Азии, Балканского полуострова (в IV в. до н. э. с персами воевали главным образом лакедемоняне, фиванцы и афиняне) и на Западе преимущественно сиракузяне, но также и другие греки, которые действовали под руководством последних по доброй воле или по принуждению. Что касается «варваров», то греки боролись с двумя основными группами — персами и карфагенянами. Говоря о персах, Р. Лони замечает, что не следует терять из виду обширность Ахеменидской державы и разнообразие населявших ее народов, карфагеняне же в начале V в. до н. э. привели в Сицилию ливийцев, лигуров, жителей Корсики, Сардинии и др. (стр. 27—29).

Во «Введении» рассматривается терминология, дается постановка проблемы и определяются границы исследования. Рассматривая эволюцию термина «варвар», Р. Лони отмечает, что первоначально он не имел уничижительного характера — только с конца V в. до н. э. укрепляется представление о более низкой природе варваров и соответственно о греках как народе, резко отличном от окружающих. Естественным следствием подобных идей явилась мысль о том, что не может быть прочного мира и сотрудничества между греками и варварами. В IV в. эти идеи получают еще большее распространение, особенно активно их пропагандируют некоторые философы и ораторы (рассматриваются преимущественно произведения Эсхида, Эврипида, Аристофана, Исократов и Платона).

Этот очерк развития так называемых панэллинских идей имеет в общем компилятивный характер и не может вызвать особых возражений, за одним, пожалуй, исключением: Р. Лони, как нам кажется, упускает весьма существенный аспект данной проблемы. Для ряда теоретиков «панэллинизма» IV в. до н. э., в первую очередь для Исократов (и возможно, Аристотеля), «панэллинские» идеи со всеми вытекающими из них последствиями, особенно выводом о необходимости и благотворности похода на Восток, были не самоцелью, а естественным следствием той обстановки, которая сложилась в Греции в IV в. до н. э. Внутренние смуты, частые политические перевороты, войны, нужда и бедность, бедняки, бродяги без родины, скитающиеся на чужбине из-за бедности и из-за бедности идущие в наемники, — вот что волновало оратора. Лишь завоевание Востока освободит Грецию от всех этих бед, а освоение новых земель и основание новых городов избавит ее от всех опасных для собственников элементов²⁰. Такова социальная подоплека «панэллинских» идей Исократов, и анализировать развитие их в отрыве от этого аспекта, как делает Р. Лони (да и не только он²¹), вряд ли правомерно, поскольку речь идет о IV в. до н. э. — времени кризиса полиса, обострившего внутренние противоречия, выход из которых искали на путях внешних завоеваний, а пропаганда их, естественно, должна была сопровождаться поисками моральных оправданий.

Можно также отметить, что автор не учитывает еще одной причины расцвета эллинского «национализма» — массового наплыва рабов варварского происхождения, хлынувших на греческие рынки со времени походов Кимона в Малую Азию и Фракию²².

²⁰ См. Л. П. Маринович, Место наемников в общественно-политических взглядах Исократов, ВДИ, 1965, № 3, стр. 22 слл.

²¹ Исократу и его «панэллинизму» в последние годы было посвящено несколько книг и статей, однако в них даже не ставится вопрос о социальном аспекте его «панэллинских» идей. Показательна в этом отношении последняя по времени известная нам работа: S. P e r l m a n, Isocrates' «Philippus» and Panhellenism, «Historia», XVIII, 1969, № 3, стр. 370—374. См. также G. D o b e s c h, Der panhellenische Gedanke im 4. Jh. v. Chr. und der «Philippus» des Isokrates (Untersuchungen zum Korinthischen Bund, Bd I), Wien, 1968 (реп.: P. B r i a n t, REA, LXXI, 1969, № 3—4, стр. 485—487; P. P é d e c h, REG, LXXXII, 1969, № 391—393, стр. 667 сл.; J. H. O l i v e r, «Americ. Journ. of Phil.», XCI, 1970, № 4, стр. 505—507; E. W i l l, «Rev. de Phil.», XLV, 1971, № 2, стр. 340 сл.).

²² И ш о в а, ук. соч., стр. 60.

Первая часть книги Р. Лони озаглавлена «Уважение к личности» и состоит из четырех глав: I. «Судьба, уготованная населению завоеванных городов» (стр. 31—40); II. «Военнопленные» (стр. 41—55); III. «Мертвые» (стр. 56—62). IV. «Иммунитет дипломатических агентов: вестники и послы» (стр. 63—70).

Исходным положением первой главы для Р. Лони служит общий принцип древности, лучше всего сформулированный Ксенофонтом и вложенный им в уста Кира Старшего: «Ведь вечное правило (*vñmos*) у всех людей, что в городе, взятом врагами, жители и их имущество принадлежат тому, кто этот город захватил» (Сугор., VII, 5, 73). Рассмотрев свидетельства источников о взятии греческих городов персами, автор приходит к следующему выводу: обычной практикой было обращение в рабство жителей этих городов, массовые избиения представляют редкие исключения. Одно из них — взятие Милета, но для этого были особые причины: персы считали милетян главными инициаторами восстания в Ионии, за что те и понесли наказание. Другое известное исключение — избиение персами в Афинах оставшихся в городе жителей, но в этом случае, полагает Р. Лони, инициатива, вероятнее всего, исходила от Писистратидов, находившихся в армии Ксеркса²³.

Примеров, когда персидские города брались греками, гораздо меньше, но и здесь, видимо, действовали те же самые нормы. Сравнивая эти наблюдения с фактами относительно судьбы населения греческих городов, взятых самими греками, Р. Лони отмечает, что, как это ни парадоксально, в общем греки были более жестоки с людьми одной с ними крови. При взятии греческих городов, особенно в V в. до н. э., довольно часто все мужское население, способное носить оружие, вырезалось, а в рабство обращали только женщин и детей. Хотя в IV в. до н. э. число подобных случаев уменьшилось²⁴, все же эта практика и теперь полностью не исчезает. Такое положение в книге только констатируется, никаких попыток найти ему объяснение не делается.

Сами выводы Р. Лони в общей форме не вызывают возражений. Однако он не учитывает, нам кажется, одного обстоятельства, что несколько искажает нарисованную им картину. Большинство случаев массового уничтожения населения греческих городов приходится на период Пелопоннесской войны, которая, как отмечали уже современники (см. *Thuc.*, I, 23, 1—2), велась с редким ожесточением, представляя в этом отношении известное исключение. Такое ожесточение явилось следствием сочетания борьбы за гегемонию, в которую была вовлечена значительная часть Эллады, и острых социальных столкновений, на что уже указывалось в литературе²⁵. Военные действия в Греции, в той или иной форме связанные с внутренними социальными конфликтами, имели, как правило, более ожесточенный характер, чем «нормальные» полисные войны.

Р. Лони особо выделяет обстановку на западных границах эллинского мира, где греки сталкивались с карфагенянами. Здесь почти безраздельно царствовала жестокость. Мужское население взятых городов, как правило, полностью уничтожалось; та же участь часто постигала даже женщин и детей. Автор считает, что основной причиной этого была «подлинная ненависть» карфагенян к грекам, которых они считали своими исконными врагами и которые платили им тем же. Однако и здесь были попытки покончить с жестокостью во имя выгоды, заменив массовые убийства продажей в рабство.

Это наблюдение безусловно интересно, но вряд ли нас может вполне удовлетворить предложенное Р. Лони объяснение жестокости «ненавистью», возникновение

²³ Заметим, кстати, что из привлекаемого Р. Лони свидетельства Геродота (VIII, 51—54) вовсе этого не следует. Геродот сообщает только, что через посредство Писистратидов было сделано предложение защитникам акрополя сдаться, а также что после предания акрополя огню афинские изгнанники, бывшие в армии Ксеркса, принесли жертвы.

²⁴ Наблюдение относительно уменьшения числа случаев уничтожения населения завоеванных городов в IV в. до н. э. уже делалось в литературе. Из последних работ см. Ш и ш о в а, ук. соч., стр. 49 слл.; D u c r e y, ук. соч., стр. 127.

²⁵ См. Ш и ш о в а, ук. соч., стр. 63; D u c r e y, ук. соч., стр. 334 сл.; J. de R o m i l l y, *Guerre et paix entre cités*, «Problèmes de la guerre...», стр. 215 сл.

которой в свою очередь требует объяснения. Здесь будет, пожалуй, уместно привести один факт, на который обращает внимание П. Дюкрэ²⁶: при взятии Моти (Diod., XIV, 53, 6) наиболее жестокой казни подверглись греческие наемники, находившиеся на службе у карфагенян, — их распяли на крестах. Одним словом, в этом вопросе имеются еще некоторые нюансы, нуждающиеся в дополнительном изучении. Возможно, объяснение взаимной жестокости следует искать (во всяком случае отчасти) в тех целях, которые преследовали эти войны в Сицилии: речь ведь шла о том, кто будет владеть островом.

Следующая глава посвящена судьбе пленных, захваченных непосредственно в результате военных действий, «в открытом поле». Изложение строится по той же схеме, что и в предыдущей главе: сначала рассматриваются факты, связанные с захватом в плен греков варварами, затем варваров — греками и, наконец, для сравнения, греков — греками. Автор приходит к выводу, что судьба пленных не обеспечивалась сколько-нибудь твердо установившимися нормами, а диктовалась самыми простыми мотивами — пленные были не чем иным, как частью добычи, и их участь целиком зависела от обстоятельств момента и желаний победителя (стр. 55). Сначала исследуются случаи массовых убийств пленных. Отмечая, что они встречаются в течение всего изучаемого периода (так же как и умерщвление только части их — в качестве жертв богам), Р. Лони доказывает, что массовое истребление военнопленных наблюдается в межгреческих войнах чаще, чем в ходе военных действий между греками и варварами (в межгреческих войнах, как правило, жестокость была гораздо сильнее, чем в войнах между эллинами и персами). Из греко-варварских столкновений только в войнах с карфагенянами мы встречаемся с подобными фактами.

Рассматривая условия содержания тех пленных, которым сохранялась жизнь, Р. Лони пишет, что, как правило, их положение было достаточно тяжелым. Никаких различий между греками и варварами здесь не наблюдается (хотя опять-таки своей жестокостью выделяются карфагеняне). Нельзя заметить и никаких признаков изменений в этом отношении в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием.

Вместе с тем Р. Лони отмечает, что бывали случаи, когда персы, захватив в плен греков, в силу тех или иных причин освобождали их без выкупа, иногда поселяя в Персии, иногда отпуская на родину. Греки совершали подобное гораздо реже, объяснение чему Р. Лони находит в характере полномочий стратегов, которые не обладали такой полнотой власти, как персидские полководцы (стр. 51 сл.). Такие случаи безусловного освобождения крайне редки и представляют исключение из общего правила, правилом же было освобождение за выкуп. Этот обычай зафиксирован в ходе войн между греками и варварами Азии многократно в V—IV вв. до н. э. (его мы находим еще в гомеровское время). В то же время в войнах греков с карфагенянами случаи выкупа военнопленных совершенно не известны, напротив, несколько раз наблюдается отказ от предложенного выкупа. Указывая на один из подобных эпизодов, Р. Лони подчеркивает, что здесь ненависть к противнику оказалась сильнее, чем стремление обогатиться, получив значительные средства в виде выкупа (стр. 52).

Собирая в общем весьма немногочисленные данные о размере выкупа, автор считает, что в эпоху греко-персидских войн сумма его обычно равнялась 2 минам, если верить Геродоту (V, 77; IV, 79); в IV в. — 1 мине, но только в войнах греков друг с другом, в войнах с варварами она была несколько выше²⁷. Применительно к V и IV вв. до н. э., таким образом, можно говорить о своего рода «таксе» на военнопленных, по крайней мере греческих (стр. 53). Судьбы пленных, за которых выкуп не был уплачен, была проста: они обращались в рабство и продавались со всей остальной добычей.

²⁶ D u c r e u, ук. соч., стр. 213, 277.

²⁷ Мнение, что в IV в. до н. э. обычный размер выкупа равнялся 1—2 минам, было высказано И. А. Шишовой, которая рассматривает этот вопрос более подробно, чем Р. Лони, привлекая гораздо более широкий круг источников (см. Ш и ш о в а, ук. соч., стр. 75—78).

В общем, как полагает Р. Лони, в войнах греков с варварами Востока судьба пленных определялась в принципе только одним соображением — стремлением извлечь из них выгоду, как и из другой добычи. То же самое характерно и для войн греков с греками, т. е. для грека в смысле его будущего было безразлично, воевал ли он со своими соотечественниками или с персами (как и для варвара).

Вторая глава вызывает некоторые возражения. Прежде всего, Р. Лони, с нашей точки зрения, недостаточно учитывает характер сообщений источников. В литературе, посвященной военнопленным, уже было сделано одно весьма важное наблюдение: античные авторы сообщают, как правило, лишь о тех последствиях войн, которые, по их представлениям, достойны упоминания²⁸. Критерии этих авторов могли быть самыми различными, в силу чего метод подсчета вряд ли здесь правомерен без всяких оговорок.

Далее, как кажется, Р. Лони несколько упрощает вопрос о судьбе военнопленных, сводя его почти исключительно к фактору чисто экономического, к стремлению к выгоде и прибыли. Хотя этот момент несомненен и для IV в. до н. э. совершенно очевидно даже возрастание его значения в ряде областей жизни, в том числе военной, все же, как кажется, нельзя сбрасывать со счетов и другой аспект — политический.

Кроме того, Р. Лони не учитывает еще одного обстоятельства, которое способствовало развитию выкупной практики в Греции: держать раба-грека было невыгодно и часто небезопасно²⁹. Именно это, а не просто и не только распространение идей «гуманности», как это часто считают, было одной из причин появления представлений (достаточно широко распространенных) о неэтичности обращения в рабство греков. Очевидно, понятие выгоды в тех конкретных условиях не было столь однозначным и простым, как это представляется Р. Лони.

Третья глава первой части посвящена отношению к трупам погибших противников. В войнах греков с греками издавна существовал обычай, согласно которому с просьбой о выдаче тел убитых должен был обращаться побежденный; как и трофей, это было своего рода символом и признанием победы противника. Случаи отказа от выдачи чрезвычайно редки, и, как правило, сама выдача не обставлялась никакими условиями. Об обычае подобного рода в войнах с варварами почти ничего не известно, но создается, как считает Р. Лони, впечатление, что в общем он существовал только у греков.

Отношение к нецрикосновенности послов и вестников, по мнению автора, было совершенно одинаковым как у греков, так и у варваров: неуважение к ним представляет редкое исключение.

Во втором разделе книги обсуждаются вопросы, связанные с судьбой захваченного во время войны имущества. Раздел открывается главой об имуществе в завоеванных городах (гл. I, стр. 72—81). Р. Лони начинает с общего замечания: и у греков, и у варваров главной частью добычи в городе было не то, что находилось в частных домах (за редкими исключениями), а прежде всего святилища. Говоря о достаточно многочисленных случаях разгрома персами греческих храмов, вызванных самыми разными причинами (наказание восставших, грабеж храмовых сокровищ), автор вместе с тем приводит также примеры уважения к эллинским храмам со стороны персов. Совсем иная картина наблюдается на Западе: карфагеняне, видимо, всегда грабили храмы; греки Сицилии в этом отношении не отставали от них. Дионисий Старший, например, равно грабил как греческие, так и карфагенские святилища. По мнению Р. Лони, богатство храмовых сокровищ были столь привлекательной добычей, что постепенно все соображения религиозного характера были отброшены в равной мере как варварами, так и греками.

Рассматривая судьбу собственно города, Р. Лони отмечает, что в V в. до н. э. как греки, так и персы в ходе военных действий очень часто разрушали города, с кон-

²⁸ H. V o l k m a n n, Die Massenversklavungen der Einwohner eroberter Städte in der hellenistisch-römischen Zeit, Wiesbaden, 1961, стр. 117 сл.; Ш и ш о в а, ук. соч., стр. 50.

²⁹ Ш и ш о в а, ук. соч., стр. 88.

да же V в. подобные случаи становятся более редкими (за исключением греко-карфагенских столкновений).

В следующей главе речь идет о сельской территории (гл. II, стр. 82—87). Р. Лони считает, что необходимость ее ограбления была заложена в самой природе греческих армий, так как при отсутствии налаженной системы снабжения одним из основных способов прокормиться был грабёж. Только персидские войска иногда располагали возможностью организованного снабжения продовольствием даже при большом удалении от своих операционных баз. Общим же правилом было, что армия жила за счет тех территорий, через которые она проходила, при этом вражеские земли грабили, а в союзных открывались рынки для закупок. Сам факт открытия или неоткрытия рынка был основанием для того, чтобы рассматривать эту территорию как дружескую или враждебную, как было, например, во время похода «десяти тысяч». Это правило в общем соблюдалось и в войнах греков с варварами, и в межгреческих. Однако в целом ряде случаев вражеские земли подвергались жесточайшему разорению, совершенно не вызванному необходимостью снабжения войска, причем и здесь не было никакой разницы между греками и персами. Р. Лони ссылается, например, на разорение Аттики Архидамом, когда в Ахарнах земля опустошалась на глазах афинян, «чего младшие еще не видели, да и старшие видели только во время персидских войн» (Thuc., II, 21). Войска Ксеркса, проходя через Фокиду, все предавали огню (Herod., VII, 33 и 35). Примеры сходных действий греков в Малой Азии — опустошение персидских земель Деркилидом (Xen., Hell. III, 2, 5) и Агесилаем (Diod., XIV, 80, 2). Приводя эти и другие сходные факты, Р. Лони указывает, что они характерны для ситуаций, когда военные действия не заканчивались решительным сражением — наиболее эффективной тактикой в эту эпоху считалось полное опустошение вражеских земель, уничтожение урожая и плодовых деревьев.

В главе III (стр. 88—97) изучается вопрос о добыче, причем особо отмечается роль наемников. В основе трактовки этого аспекта войны лежит тезис о том, что поиски добычи играли важнейшую роль в военных действиях. Военные столкновения греков и варваров не представляли исключения и в этом отношении. Телевтий накануне кампании 378 г. до н. э. вдохновлял воинов, суля им в результате побед над варварами изобилие, которое «доставляет... и пропитание, и славу» (Xen., Hell. V, 1, 17). Агесилай же на предложение персов откупиться ответил, что у «греков считается прекрасным брать у врага не подарки, а добычу» (Plut., Ages. 10).

Ссылаясь далее на известное место из «Анабасиса» Ксенофонта (VI, 6, 1), Р. Лони отмечает существование определенных норм: когда армия останавливалась на отдых, каждый воин добывал при грабежах добычу для себя лично, но когда выходили все вместе, то добыча, даже забранная отдельными людьми, становилась общей. По всей видимости, замечает наш автор, этот принцип, существовавший первоначально только у наемников, распространился затем на все армии³⁰.

Общим правилом, соблюдавшимся как в V, так и в IV в. до н. э., было выделение определенной части добычи храмам. Какова же была судьба остального? В гражданских армиях добыча не распределялась среди воинов, но шла целиком государству. В связи с этим Р. Лони справедливо отмечает, что присвоение добычи было широко распространенным методом пополнения и укрепления полисного бюджета. Безусловно, однако, что какая-то часть захваченного тем или иным способом все-таки оседала у командиров и рядовых. В наемных армиях каждый получал свою долю; добыча реализовывалась специально назначенными людьми, а полученные суммы делились. Постепенное распространение наемничества привело к тому, что поиски добычи становятся все более важной чертой военных действий.

В связи с этим вопросом Р. Лони дает краткий очерк развития наемничества (стр. 93 сл.). Отметив, что в V в. до н. э. наемники в армиях были, но военные силы в основном состояли из граждан, Р. Лони указывает далее, что с конца века различные

³⁰ Правда, единственный пример, который приводится в подтверждение, не совсем убедителен (L o n i s, стр. 90; ср. X e n., Hell. IV, 1, 26).

причины (в первую очередь социальная и политическая борьба, опустошение страны) привели к тому, что множество людей стало искать средства к существованию, напимаясь в чужие войска. События на Востоке (интриги персидских царей и сатрапов, снабжавших поочередно субсидиями то Спарту, то Афины) усилили эту тенденцию. Реформы Ификрата и Эпаминонда³¹ сделали наемников воинами более эффективными, чем граждане. Возрождение тирании тоже создавало потребность в наемниках. Широко была распространена практика найма и у варваров (персы напимали главным образом греков, карфагеняне — пберийцев). Именно наемники породили новый дух в армиях, что оказало самое существенное влияние на обычаи войны. Наемниками двигала одна страсть — алчность, и именно она определяла все их поведение. Жадность, стремление к добыче часто были источниками их храбрости и жестокости в бою, но, с другой стороны, способствовали большому смягчению нравов войны, ибо наемники были более заинтересованы в сохранении людских и материальных ценностей и их реализации, а не уничтожении.

Можно в общем согласиться с основными положениями, выдвинутыми Р. Лони в этой главе, сделав, правда, две оговорки.

Во-первых, представляется, что автор все-таки несколько преувеличивает роль добычи как «одной из самых могущественных побудительных причин» (стр. 88), особенно для времени до IV в. до н. э.³² В этом проявился один из недостатков работы Р. Лони, отмеченный уже ранее, — некоторое упрощение проблемы и сведение к непосредственно экономическим причинам того, что было результатом гораздо более сложного взаимодействия целого ряда факторов как экономического, так и военно-политического характера.

Второе возражение касается конкретного вопроса о добыче, захваченной наемниками. Р. Лони считает, что каждый получал из нее свою долю, ссылаясь в подтверждение на «Анабасис» Ксенофонта (VII, 7, 56 — стр. 92). Из сказанного создается впечатление, что добыча принадлежала воинам, однако у Ксенофонта в указанном месте речь идет о продаже и распределении не захваченного воинами имущества, которое как добыча принадлежало им, а о продаже скота и рабов, которых наемники получали от Севта в счет жалованья, добыча же, согласно договору о найме, передавалась вся Севту и, предварительно продав ее, из нее он и намеревался оплачивать услуги воинов (см. Хел., *Anab.* VII, 3, 10; ср. VII, 4, 2). Так что в данном случае добыча шла нанимателю. Можно привести множество примеров, когда стратеги расплачивались с воинами деньгами, полученными в результате реализации добычи, т. е. в конечном счете добыча, хотя бы частично, тоже принадлежала нанимателю. Вовсе не стремясь дать здесь какое-то решение этого вопроса, мы хотели только сказать, что он не так прост, чтобы уделять ему буквально несколько строк, ссылаясь на то, что он выходит за хронологические рамки книги, поскольку речь идет о наемниках. Жалованье выплачивали из добычи Деркилид, Телевтий, Фрасибул, Ификрат³³ — вот только несколько примеров, и все они не выходят за рамки первой половины IV в. до н. э. Вряд ли Р. Лони прав, ограничиваясь одной ссылкой, когда есть и другие свидетельства, отнюдь не подтверждающие его мысль.

К удачам автора следует отнести трактовку вопроса о развитии «гуманности». Он очень убедительно показывает, что одной из важнейших причин усиления «гуманности» было распространение наемничества и самый характер наемных сил. Грубо материальные причины этого явления правильно выделены Р. Лони, и это тем более важно, что даже в работах, специально трактующих проблемы «гуманности», причины распространения более гуманных методов ведения войн остаются без выяснения³⁴.

³¹ Относительно реформы Эпаминонда Р. Лони упрощает картину, столь прямо и непосредственно связывая ее с наемниками.

³² Ср. Pritchett, ук. соч., стр. 28.

³³ Хел., *Hell.* III, 4, 28; IV, 8, 30; V, 4, 23—24; *Di od.*, XV, 47, 7.

³⁴ F. Kiechle, *Zur Humanität in der Kriegsführung der griechischen Staaten*, «*Historia*», VII, 1958, № 2, стр. 429 слл. См. также критические замечания И. А. Шишовой (ук. соч., стр. 49) по поводу этой книги.

В связи со сказанным можно привести весьма любопытный (и не упомянутый Р. Лони) факт, который весьма ярко характеризует психологию наемников: когда не было надежды продать военнопленных, их просто отпускали (Хен, *Анаб.* IV, 1, 12—13); правда, оговоримся, речь здесь идет об исключительных условиях отступления бывших наемников Кира Младшего.

Следует сказать, что близкую мысль о влиянии наемничества на смягчение участи победленных несколько ранее высказал П. Дюкрэ³⁵. Посвятив отдельную главу (VII) «выгодам войны», он рассматривает в общем тот же круг вопросов, что и Р. Лони, но применительно ко всей Греции, а не только к греко-варварским войнам, и за больший хронологический период: захват добычи, добыча личная и общественная, обоз, распределение захваченного, доля бога и часть вождя, реализация добычи, купцы, значение добычи в оплате воинов, выкуп и его размер. Выводы обоих ученых в общем весьма сходны, но при этом IV в. до н. э., особенно при трактовке некоторых вопросов, занимает у П. Дюкрэ очень незначительное место сравнительно с более ранним и особенно эллинистическим временем³⁶.

Что же касается того, что сказано в обеих книгах относительно роли добычи в оплате воинов, то следовало бы отметить еще один момент: на протяжении рассматриваемого времени все более возрастает доля добычи в содержании наемников по сравнению с регулярной оплатой. Если в начале IV в. до н. э. Кир или Дионисий должны были при найме сулить воинам большое жалование и богатые дары, то в середине века Демосфен уверен, что можно нанять воинов, оплачивая им только часть жалования, с тем чтобы остальное они дополняли грабежом (что, кстати, может служить еще одним доказательством того, что обычно добыча не рассматривалась как собственность наемников)³⁷.

В третьей, и последней, части книги изучаются правовые вопросы. Первая ее глава посвящена проблеме соблюдения заключенных соглашений (стр. 99—114). Как выполнение, так и нарушение договоров в равной мере часты и в V в., и в IV в., но, как считает автор, начиная с конца V в. верность договорам становится более редким явлением, чем раньше. В связи с этим ставится вопрос об общественном мнении и отношении его к договорам, заключенным между греками и варварами, и выполнению их (гл. II, стр. 115—126). Вывод автора: неспровоцированное нарушение или расторжение договора обычно осуждалось общественным мнением, однако в этой позиции всегда были некоторые нюансы, порожденные одним обстоятельством — грекам было трудно примириться с тем, что часть эллинистического мира находится под властью персов.

В последней главе (гл. III, стр. 127—148) рассматриваются гарантии договоров. Обычной гарантией была клятва, скрепленная обращением к богам и часто сопровождавшаяся жертвоприношениями. Однако поскольку договоры часто нарушались, как считают, единственной прочной гарантией выступала только глубина религиозного чувства. Можно ли, исходя из того, что договоры в конце V—IV вв. до н. э. очень часто не соблюдались, говорить об ослаблении религиозных чувств у греков? Р. Лони отвергает такую мысль самым решительным образом. Более того, останавливаясь на поведении Ксенофонта и других греков во время отступления «десяти тысяч», он отмечает, что у многих профессиональных воинов религиозное чувство обострилось в связи с постоянными опасностями в их жизни. Пример же Дионисия, столь часто нарушавшего договоры с карфагенянами и столь же часто проявлявшего и в иных

³⁵ Д и с т е у, ук. соч., стр. 336 сл. Однако справедливости ради заметим, что книга П. Дюкрэ, очевидно, не могла быть использована Р. Лони.

³⁶ О распределении добычи и праве на нее см. также Р i t c h e t t, ук. соч., стр. 82 сл. (гл. V — о десятине богам). Притчетт полагает, что в общем добыча принадлежала государству, хотя стратеги в IV в. до н. э. имели определенную свободу в распоряжении ею, особенно для оплаты воинов, что было вызвано развитием наемничества и неспособностью государств в должной мере авансировать военные действия.

³⁷ См. Л. П. М а р и н о в и ч, Греческие наемники в конце V — начале IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 4, стр. 86.

формах свое неуважение к богам, в общем исключение: идеи и настроения сицилийского тирана не разделялись его современниками и даже осуждались ими. То же в основных чертах можно сказать и о варварах.

Но каким образом в таком случае объяснить столь частое нарушение договоров? Автор считает, что причину надо искать в отсутствии доверия, в том, что никто не верил в соблюдение заключенного соглашения и данного слова противной стороной, причина же такого недоверия в свою очередь крылась в самой природе греческого права. И именно поэтому существовали два обыкновения, укреплявшие силу соглашений: обмен заложниками и периодическое возобновление договоров. Правило о выдаче и получении заложников как гарантии договора было свойственно всей античности, соблюдалось оно и при заключении договоров греков с варварами. В связи с ростом ожесточения в войнах IV в. до н. э., как замечает Р. Лони³⁸, иногда давали заложников даже только для обеспечения самих переговоров. Однако некоторые обстоятельства препятствовали широкому распространению такого метода укрепления договорных отношений: во-первых, «деликатная проблема» выбора заложников, во-вторых, редкость случаев казни заложников даже при нарушении договоров.

Общий вывод Р. Лони из материала, рассмотренного в главе III: в сфере обеспечения эффективности договоров между греками и варварами действовали те же законы, что и при договорах между греками.

Этот раздел работы вызывает некоторые замечания. Прежде всего, как нам кажется, Р. Лони недостаточно глубоко выяснил природу неустойчивости договорных соглашений. Остановившись на уровне греческого права того времени, он совершенно не отметил обусловленности самого характера этого права особенностями греческого мира, где имманентно! присущей полису чертой была постоянная вражда с окружающим миром (что недавно справедливо подчеркнула Ж. Ромилли³⁹). В этом отношении в высшей степени важен и показателен один отрывок из «Законов» Платона (на который Ж. Ромилли не обратила внимания): «Ибо то, что большинство людей называют миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами» (Legg., 626a)⁴⁰.

Несколько упрощает наш автор и вопрос о религиозности греков. Здесь нельзя просто говорить о ее возрастании или уменьшении, картина, как представляется, была гораздо сложнее, и, по всей видимости, акцент следует сделать на ином. Примеры Дионисия и фокидских тиранов позволяют скорее говорить о том, что начинают отмирать какие-то! черты полисной религии. Поскольку наемники постепенно оказываются выброшенными из системы полисного строя, постольку результатом этого становится и утрата ими в известной мере полисного мировоззрения с его непрере-

³⁸ Утверждение об усилении в IV в. до н. э. жестокости войны встречается в книге наряду с другим положением, о котором уже упоминалось, — о смягчении военных нравов и развитии идей «гуманности». Обе эти мысли мы находим и у Дюкрэ (ук. соч., стр. 332 и 336 сл.). По-видимому, здесь нет противоречия, вернее, оно лишь кажущееся и речь идет о разных явлениях: с одной стороны, о частых войнах, которые сопровождались обязательными грабежами, разорением, насилием, и, с другой — о сравнительной редкости массовых убийств при частых продажах в рабство и выкупах, что было вызвано новыми в IV в. до н. э. явлениями, прежде всего развитием товарно-денежных отношений и наемничества и возросшим в связи с этим значением финансово-экономической стороны войны, проявившимся в ряде моментов, в том числе и в этом. Притчетт (ук. соч., стр. 70) пишет об усилении жестокости в IV в. до н. э.

³⁹ R o m i l l y, ук. соч., стр. 207 сл. Это, разумеется, не исключало призывов и стремления к миру. Ср., однако, H u m p h r e y s, ук. соч., стр. 192; P é d e s h, ук. соч., стр. 566. См. также J. A. O. L a r s e n, «IXe Congrès internationale des sciences historiques. I. Rapports», P., 1950, стр. 386—389; о н ж е, «Gnomon», 38, 1966, № 3, стр. 258 (реп. на кн. T. T. B. R y d e r, Koine Eirene, Oxf., 1965).

⁴⁰ Перевод А.К. Егунова в кн.: П л а т о н, Сочинения, т. 3, ч. 2, М., 1972. Отметим, однако, что истинной войной Платон считает только вражду между греками и варварами, нечто же подобное между эллинами, по его мнению, следует именовать раздорами, поскольку греки по природе своей друзья, а греки и варвары — враги (P l a t o, Rep., 470 c; 471 a—b; ср. L o n i s, ук. соч., стр. 23 сл.).

ным атрибутом — религиозностью полисного типа. Но взамен рождаются религиозные идеи и представления, более отвечающие их новому социальному статусу.

В «Заключении» (стр. 149—162) автор подводит итоги и излагает основные выводы. В общем те правила, нормы и обычаи, которые наблюдаются в межгреческих войнах, действовали и в войнах греков с варварами, что подтверждается наблюдениями в трех главных сферах: в отношениях к людям, имуществу и данному слову. По мнению Р. Лони, как это ни парадоксально, такое положение совпадает с ростом «панэллинских» идей и сопутствующим им усилением враждебности к варварам. Почему же тогда эти идеологические явления, эти мысли и взгляды не привели к соответствующим выводам в практике ведения войн? Одну из причин такого разрыва между теорией и практикой Р. Лони видит в возрастании роли наемников, для которых этическое политические проблемы не играли никакой роли или, во всяком случае, имели второстепенное значение по сравнению с чисто экономическим фактором. Для наемника было абсолютно безразлично, с кем воевать и кого грабить. Однако это только часть объяснения, ибо для грека, сохранившего связь с полисом, чувство принадлежности к эллинскому миру стало более сильным. Основной же причиной Р. Лони считает то обстоятельство, что «панэллинизм» был мало согласован с жизнью, он предполагал объединение греков и общую войну их против варваров, однако действительность была совершенно иной: никогда Греция не была столь раздробленной и столь наполненной взаимной борьбой городов, как в конце V—IV в. до н. э. Историография обычно преувеличивает солидарность греческого мира перед лицом персидской угрозы⁴¹. «Панэллинизм» был противоположен полисному мировоззрению, для грека той поры автономия собственного полиса неизмеримо важнее, чем противостояние варвару. Поэтому «панэллинские» призывы, которые раздавались со стороны поэтов, философов и ораторов, не были услышаны практиками, Греция не хотела превращать их в реальность.

Нельзя не согласиться с автором, когда он пишет о природе полисного автономизма и его противоположности «панэллинизму». Но позволяет ли это решать проблему тем способом, который предлагает нам Р. Лони? И здесь, на заключительных страницах своей книги, он, как кажется, несколько упрощает вопрос. Прежде всего, для теоретиков «панэллинизма», во всяком случае для Исократы, «панэллинские» идеи вовсе не исключали независимость полиса. Напротив, Исократ всегда, включая и «Филиппа», оставался горячим поборником свободы греческих городов и патриотом своих родных Афин⁴². Как ни относиться к поздней традиции о его смерти, сама по себе она весьма показательна⁴³.

Далее, относительно наемников и их места в антитезе полис — «панэллинизм». Многие из того, что написано Р. Лони о наемниках, справедливо, но здесь не вся правда. Факты показывают, что среди наемников совершенно определенно была часть людей, мечтавших об основании новых городов⁴⁴. Разве не могли среди них найти отзвук «панэллинские» призывы с их акцентом на завоевание новых земель?

Наконец, даже бесспорная уверенность в том, что законы и нормы войны между греками и варварами были абсолютно такими же, как между эллинами, совершенно не доказывает еще, что «панэллинский» комплекс идей не получил распространения в Греции. Более того, сошлемся на факты, которые показывают,

⁴¹ Ср., однако, R o m i l l y, ук. соч., стр. 218.

⁴² В. Г. Б о р у х о в и ч, Э. Д. Ф р о л о в, Публицистическая деятельность Исократы, ВДИ, 1969, № 2, стр. 216 сл.; P e r l m a n, ук. соч., стр. 370 слл.; S. P a u l a u, EIRHNIKA. Considérations sur l'échec de quelques tentatives panhelléniques au IVe siècle avant Jésus-Christ, REA, LXXIII, 1971, № 1—2, стр. 75 сл.

⁴³ Б о р у х о в и ч, Ф р о л о в, ук. соч., стр. 217; Th. S. T z a n n e t a t o s, Τὸ περὶ τὸν θάνατον τοῦ Ἰσοκράτους πρόβλημα, «Athena», LXI, 1957, стр. 289—322 (известна нам по Marouzeaux, XXVIII, 1958, стр. 103). Ср., однако, P. B r i n d' a m o u r, Les dernières paroles d'Isocrate, REA, LXIX, 1967, № 1—2, стр. 59—61.

⁴⁴ Л. П. М а р и н о в и ч, Греческие наемники..., стр. 72 сл.; ср. Э. Д. Ф р о л о в, Жизнь и деятельность Ксенофонта, «Ученые записки ЛГУ», серия историч. наук, № 251, 1958, вып. 28, стр. 55—60.

что в некоторых случаях можно видеть следы влияния этих идей⁴⁵. Этот круг представлений родился на реальной почве, отражал определенные социальные и политические процессы, происходившие в Греции в конце V—IV в. до н. э., а не был досужим вымыслом оторванных от земли теоретиков, и именно поэтому он оказал определенное воздействие на умы людей того времени.

В заключение, имея в виду все вышесказанное, ограничимся несколькими замечаниями более общего характера, касающимися всей книги Р. Лони в целом. Прежде всего, автор, как кажется, недостаточно принимает во внимание общен историческую обстановку, тот фон, на котором разворачивались военные действия и который во многом их определял. Ведь время греко-персидских войн и IV в. до н. э. — это два разных периода в истории Греции, это время расцвета и кризиса полиса, и если одно новое для IV в. до н. э. явление — развитие наемничества — Р. Лони учитывает, то другой момент, особенно важный при анализе судьбы военноопленных и места добычи, а именно уровень развития товарно-денежных отношений, выпадает из его поля зрения. И если раньше мы упрекали Р. Лони в том, что он в ряде случаев преувеличивает влияние непосредственно экономического фактора, то теперь будет справедливым поставить ему в упрек слишком малое внимание к общему характеру развития Греции, полиса в V—IV вв. до н. э., к тем изменениям, которые произошли в экономике Греции в IV в. до н. э., к той новой социально-экономической обстановке, особенно развитию товарно-денежных отношений, которая характеризует это столетие. При учете всего этого такой, например, вопрос, как отношение к храмам, получил бы, очевидно, несколько иное освещение и не свелся бы только к соображениям религиозно-морального плана, да и проблема «гуманности» могла бы трактоваться несколько шире. В общем Р. Лони в целом ряде случаев недостает общен исторического фона и перспективы.

Нельзя не указать также на отсутствие в книге должного анализа источников. Р. Лони черпает факты из самых различных по своей ценности, достоверности и времени авторов, будь то Фукидид, Ксенофонт, Исократ, Геродот или Плутарх, Диодор, Корнелий Непот, — все сведения принимаются на веру и используются в равной мере, даже без каких-либо оговорок.

Далее, некоторые вопросы, как уже отмечалось, трактуются, на наш взгляд, несколько прямолинейно. С этим недостатком, по-видимому, связан еще один: книге Р. Лони явно не хватает полемичности, в ней недостаточно чувствуется историография. Автор рассматривает целый ряд вопросов, к которым уже неоднократно обращались до него, приведенный библиографический список широк и подробен, в тексте автор постоянно ссылается на литературу, но в самом исследовании хотелось бы видеть больше дискуссионности. Сошлемся в качестве примера на «Введение», которое носит слишком общий характер. Здесь явно необходим хотя бы краткий историографический очерк, Р. Лони же ограничивается самыми общими указаниями на то, что считают «обычно» и «часто», не назвав при этом буквально ни одного имени.

Хотелось бы, чтобы было более ясно, какое именно содержание Р. Лони вкладывает в понятия *coutume* и *usage* и в чем видит различие между ними (как уже указывалось в одной из рецензий⁴⁶).

В целом же книга Р. Лони заслуживает внимания и представляет определенный интерес как по своей теме, так и по постановке проблемы и главному выводу. Р. Лони, пожалуй, впервые в литературе столь определенно выступил с положением об идентичности законов, норм и обычаев войны в межгреческих войнах и греко-варварских, посвятив доказательству данного положения рассмотренную книгу.

Л. П. Маринович

⁴⁵ Д и с с е у, ук. соч., стр. 271 сл.; Г. А. К о ш е л е н к о, Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э., ВДИ, 1972, № 1, стр. 59 сл.

⁴⁶ Л' Н о т т е - В ё г у, ук. соч., стр. 668.